

Всем детям революции

*Последняя вспышка пламени —
самая яркая.*

Часть I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое мое воспоминание — о бабушке. Помню ее запах. Аромат жасмина и более приземленные нотки масла для пропитки кожи, которым она обрабатывала будущие домашние туфли соседок по лестничной площадке. И дыхание у бабушки было такое же: теплое и сладкое, с легчайшей кислинкой прикасалось оно к моей щеке. Но лучше всего я помню ее руки. Пальцы — заскорузлые, но проворные, с прежней ловкостью бегающие по коже туфель, которые она мастерила, ловко кидающие рис в кипящую воду, так, чтобы не обжечься горячим паром.

Помню еще — мне, видимо, было всего два-три года, — как меня зачаровывали раздутые багровые и зеленые вены, виноградными лозами змеившиеся по тыльной стороне ее крапчатых узловатых ладоней. Ее руки были совсем не похожи на мои. Случалось, что бабушка брала мою ладошку — легкую, гладкую — и заключала в свои, и это было изумительно. Но отчетливее прочего я ощущала — особенно на запястье — тепло, исходившее от ее плотной кожи. И чувствовала, что мне хорошо, безопасно.

Морщины, бороздившие бабулин лоб, брыли, свисавшие со щек, — меня они никогда не смущали, хотя детям и случается бояться старости. Для меня бабушкино лицо,

тело, все ее существо были старинной картой, одновременно и знакомой, и загадочной — такую хочется читать раз за разом не только глазами, но и пальцами. Я действительно часто тянулась к ее лицу, водила пальчиками по тонким седым бровям, играла с жесткими волосками, росшими на подбородке, — по неведомой причине они меня просто завораживали. Иногда я начинала за них тянуть, и тогда бабушка чихала. Меня это приводило в несказанный восторг, я принималась хихикать, весело и неостановимо, как все малыши. Бабушка смотрела на мои содрогания — сама сдержанная, серьезная, — и только легкий изгиб губ и искорки в серо-голубых глазах намекали на зарождение улыбки.

Родители мои были иного толка. Они меня обожали, как в китайских семьях 1970-х годов принято было обожать дочерей: обожание смешивалось с легким неудовольствием (брат мой тогда еще не пришел в этот мир). Но главное, по всей видимости, было в том, что мы были совершенно несовместимы. Папа был человеком добрым — и высоконравственным. Однако все мое детство он оставался на расстоянии, хотя виделись мы ежедневно: утром, когда я просыпалась к завтраку, и вечером, когда он возвращался с работы.

Мне случалось бродить по коридору нашей маленькой шумной квартирки: полностью уйдя в свои мысли, я разговаривала с выдуманными друзьями, билась с выдуманными врагами — и вдруг рывком возвращалась в реальность, когда сталкивалась с ним. С отцом. Сейчас я понимаю, что для мужчины он был совсем небольшого роста, худощавый, компактный, однако ведь маленький ребенок живет

в стране великанов. Причем самые рослые среди них — отцы. В моих глазах отец был огромным, и это, видимо, отражало масштаб его строгости: встретив меня в прихожей, он всегда моргал, глядя на меня сверху вниз, и хмурился, как будто столкнулся с какой-то незнакомой карлицей, а не с плотью от плоти своей.

Папа вглядывался в меня, щурялся, словно не до конца сознавая, кто перед ним; потом, когда молчание слишком уж разрасталось, он выдавливал из себя короткий, скомканый вопрос:

— Ты... ты... уроки выучила? Дела по хозяйству сделала?

Мне, пятилетней, еще, по сути, не задавали никаких уроков, однако я начинала отчаянно кивать, потому что была уверена: если я с ним не соглашусь, меня запросто могут нынче же вечером выгнать из квартиры. Кстати, родители никогда не говорили мне ничего, что хотя бы отдаленно намекало на возможность изгнания из родного дома за то, что я не выучила несуществующие уроки, которые папа считал таким важным делом. Но я почему-то вбила себе в голову, что вот возьмут и выгонят. Это был один из моих многочисленных страхов.

Оглядываясь вспять, я понимаю, что наших встреч папа боялся не меньше, чем я. И потому выпаливал первое, что приходило ему в голову. Был он ученым, картографом — работал с геологическими картами. Довольно непримечательное занятие, как раз для такого дотошного и безобидного человека. Тем не менее и он, и ему подобные подверглись преследованиям в годы «культурной революции» Мао. Очень многие преподаватели, технические специалисты и люди умственного труда были объявлены «буржуазными

элементами», и, как мне кажется, страх и неуверенность, которые папа унаследовал с тех времен, остались с ним навсегда. Они проникли во все сферы его жизни. Даже в отношения с дочерью.

Я выросла уже после маоистской эпохи — после смерти Великого кормчего, — так что для меня эти страхи не были реальностью, по крайней мере следующие лет пятнадцать, до новых событий. Но папа мой так и не сумел выйти из круга страха, из его тени.

Возможно, именно этот страх он и пытался смягчить, сделавшись почти незримым, укрывшись в невнятно-абстрактном мире схем и координат, из которых и состояли его исследования. Спрятавшись в месте, куда не долетала неопрятная суeta семейной жизни: грязные пеленки, игрушки, разбросанные по ковру; громогласный рев обиженного карапуза; гладкость личиков, обращенных вверх, с любопытством или возмущением, в потеках соплей и слез.

Мама со своими страхамиправлялась иначе. Она отличалась деловитостью и жестко контролировала все стороны и подробности жизни своей семьи. Следила, чтобы ровно в шесть вечера мы все сидели за столом, расстелив салфетки на коленях. Во время еды сообщала нам новости про соседей с нашей лестничной площадки: про их достижения, про скандалы за закрытыми дверьми. В основном про скандалы. Мама была человеком феерически энергичным: подобно цунами, она могла снести и перевернуть любую постройку, встретившуюся на ее пути. Местные сплетни служили ей импульсом засучить рукава, убедиться, что нас всех накормили и напоили, что мы одеты, а наши жизненные пути расчищены. Впрочем, все это я осознала только

гораздо позднее. Тогда мама казалась мне просто противной командиршней.

В самом конце «культурной революции» отца моего разжаловали, однако он смог выжить. Немного посидел в тюрьме, потом вернулся на штатную должность. Полагаю, ему просто повезло. Мне и по сей день неведомо, какие унижения — а то и что похуже — ему пришлось перенести. У него никогда и мысли не было поделиться этими воспоминаниями с родней, особенно с родственницами. Мама, однако, была убеждена, что причина его горестей — причина всех наших горестей — кроется в случайной ошибке в остальном безупречной бюрократической машины. Для мамы государство было строгим, но справедливым, неизменно использующим свою власть и авторитет на благо народа. В детстве я вслед за мамой считала, что нет на свете правительства лучше китайского, что оно во всех отношениях опережает империалистические правительства западных стран, которые пытаются ему противодействовать. Из каждой радиопередачи следовало, что мы, китайский народ, — знаменосцы человечества, вступающего в эпоху свободного и гуманного бесклассового общества. Мы, дети, впитывали все это с самого раннего возраста — так же как американские дети каждое утро вставали в школе по стойке смирно, чтобы принести клятву верности своему флагу.

Но опять же: оглядываясь назад, я все гадаю, насколько доверчивость и энтузиазм, с которыми мама относилась к властям предержащим, давили на моего измученного отца, человека, полностью выжатого жизнью и государством, которому он пытался служить. Полагаю, что неуклонное стремление мамы к сохранению статус-кво отца

коробило. Возможно, ему даже случалось протестовать. Изредка у него прорывались искры тех чувств, которые он всю жизнь учился подавлять. При этом отец никогда не был с мамой груб.

Бывало, что в семьях, живших на нашем этаже, мужья поколачивали жен. Иногда до нас долетали их ссоры, слушалось даже расслышать внезапную мертвую тишину перед тем, как ладонь влетала женщине в щеку, а после этого визг на высокой ноте. Но даже побитые жены из нашего коридора хранили чувство собственного достоинства — знали, что есть такие вещи, о которых уважающие себя люди не говорят и в которых не признаются соседям.

В подобных случаях весь этаж начинал разыгрывать одну и ту же причудливо-сюрреалистическую сценку: что все в порядке, что двери иногда напрыгивают, подобно чудищу из древнего китайского свитка, на ничего не подозревающую женщину, чтобы стукнуть ее, пока она хлопочет по хозяйству. Углы буфетов, края кроватей — все они одинаково опасны и одинаково непредсказуемы. А вот мужчины, с которыми эти женщины решили соединить свою судьбу, ни в чем не повинны.

Ребенок осознаёт и постигает такие вещи, но не превращает их в форму осознанных представлений. Я понимала, что жен иногда бывают, что это нехорошо. Знала, что взрослые не одобряют подобного поведения, но вслух об этом не говорят. Оно, однако, случается. Помню, что даже в детстве я ощущала, что и яркое свечение моей мамы успели слегка притушить, что ее навязчивая потребность регулировать все мелочи нашей жизни упретыми представлениями об этикете и достоинстве мгновенно сойдет на нет, если отец хотя бы

раз ударит ее по лицу. Если хотя бы раз прервет ее бесконечный поток смачных сплетен и назойливых требований.

Но он, слава богу, никогда этого не делал. Впрочем, то, что от него оставалось, было во многом хуже: серая оболочка человека, который даже мне казался старым, хотя на самом деле ему было лишь немного за тридцать. Человек, из которого вытрясли всю начинку. Или, может, он просто научился ускользать. Отсутствовать в окружающем мире. Чувствовать себя по-настоящему дома только в своем одноком кабинете, за размышлениями над схемами и отчетами. Я и по сей день не знаю, что с ним произошло тогда, до смерти Мао. Его задержали. Означало ли это избиения? Пытки? Мне ясно одно: полноту личности у него отобрали. Даже теперь, столько лет спустя, когда его нет рядом, я испытываю к нему огромную жалость.

Но если отец мой оставался пассивным свидетелем искрометного жизнелюбия моей мамы, то бабушка была совсем не похожа на них обоих. Она сильно отличалась от рожденной ею дочери. Я подмечала, что если мама стремится к добропорядочности, то бабушка — бунтарка по натуре.

Родилась она в 1921 году. Рождение ее пришлось на период модернизации, последовавший за отречением последнего китайского императора, однако бабушка жила в сельской местности, которую прошлое продолжало сжимать в странном призрачном кулаке. Ее родители придерживались жизненного уклада, который унаследовали от предков, — пальчики на ногах маленькой дочери они сломали и согнули, подвергнув ее так называемому бинтованию ножек, — но бабушка взбунтовалась, кричала каждую ночь, сопротивлялась, и в результате родители ее не выдержали.

А когда ей удалось полностью стянуть с ног ненавистные бинты, они просто сделали вид, что ничего не заметили.

В результате ступни у бабушки были просто удивительные. Больше идеальных «забинтованных» ног, но меньше тех, какими должны были вырасти в нормальном случае. Найти подходящую обувь ей было почти невозможно. Именно поэтому бабушка в конце концов стала делать обувку сама. Тогда она еще не знала, что существовало целое поколение девушек, которые отказались бинтовать ноги, проявив ту же отвагу и решимость. Выросло целое поколение девушек, ноги у которых были слишком большими для «забинтованных» и слишком маленькими для «нормальных».

Со временем бабуля приноровилась шить обувь для женщин, у которых, как это называлось, были «ноги освобождения» — такие же, как у нее, которые пытались, но не смогли забинтовать. Бабушка моя владела, по сути, самым традиционным женским навыком: орудовать иголкой со вдетой в нее ниткой, чтобы создавать носильные вещи, — но у нее этот навык стал формой женского бунтарства. Вся жизнь ее была напичкана и более мелкими бунтами, которые часто принимали куда более грубую и невоспитанную форму. Взрыв задорного смеха, скабрезное подмигивание и даже громогласное...

ГР-Р-Р-Ы-Ы-Ы-Ы!

Я как раз волоку ко рту жареный рис с яйцом, вскинув палочки в воздух, но бабушка рыгает так громко, так решительно, что на несколько секунд мы все пятеро замираем вокруг стола. На лице у отца выражение, которого я никогда раньше не видела: рот приоткрылся, папа то ли озадачен, то ли возмущен. Мама — которая до того яростно осуждала соседскую дочку, повадившуюся ходить в сандалиях

без носков (по маминым понятиям, верный признак детской испорченности) — так поражена этим рыганием, что на миг теряет дар речи, быстро моргает, пытается смириться с фактом столь непредвиденного и непотребного поступка.

Мой брат Цяо — ему тогда еще не исполнилось и двух лет — тоже прекратил старательно и сочно жевать, из уголка рта у него потекла струйка. На лице засияла улыбка, какая появляется у карапуза, сообразившего, что в мире его что-то внезапно переменилось — он пока не уверен, что именно, но страшно радуется перемене. И последней — но при этом главной — оставалась фигура бабушки: ее крупное приземистое тело и круглое лицо расслабились, в морщинках обозначилось зарождение улыбки, она крупной жабой откинулась на спинку стула. И смотрела на маму с искорками в глазах.

Мама побагровела. Она прекрасноправлялась со всем, что было связано с распорядком жизни, детской одеждой, подбором слов, которые в семье разрешалось употреблять, а вот с отражением чувств на собственном лице куда хуже: оно плыло, на нем внезапно проявлялись самые сокровенные переживания. Она моргнула, глядя на бабушку, пыталась подавить взрыв негодования. И наконец ошарашенно выдавила несколько слогов:

— Ты это специально, муцинъ*, я знаю!

Бабушка в ответ посмотрела на нее невозмутимо, как сфинкс, — хотя во взгляде и сквозило откровенное озорство.

— Милочка, радость моя, доживешь до моих лет, поймешь, что тело — оно как автомобиль: с годами портится, и порой глушитель бараблит!

* матъ (кит.). — Здесь и далее прим. пер.

Бабушка взмахнула ресницами, и на лице ее появилось выражение оскорбленного достоинства.

— Да ладно, — отрубила мама. — Твой «глушитель» вечно барахлит именно тогда, когда я говорю важные вещи, когда я пытаюсь...

— Гр-р-р-ы-ы-ы-ы!

И снова всех охватил временный паралич. Всех, кроме братишки, который как раз тоже рыгнул и теперь зловредно ухмылялся, с улыбающегося детского личика все еще текла грязная слюна, а сам он был доволен как слон, что сумел подхватить бабулину шутку.

Мама взглянула на братика с неподдельным ужасом, а потом повернулась к бабушке — багрянец мгновенно сбежал с лица, уступив место творожной бледности потрясения.

— Видела, что тытворишь? Ты... портишь мне ребенка!

С бабушкиного лица впервые сбежал всякий намек на озорство.

— Ну, не преувеличивай. Ему и двух лет еще не исполнилось. Вот обезьянка и обезьянничает!

— Обезьянка... обезьянничает? — задохнулась мама. — Да как... как ты смеешь! Я считаю, что нравственное развитие моих детей... не тема для шуток!

К этому времени она уже встала в полный рост и возвышалась над остальными, жестами обращаясь к незримой для нас аудитории.

А потом вдруг вперила взгляд в папу.

— А ты! Ты! Почему ты меня не защищаешь?

Папа от изумления вернулся в действительность. Не знаю, какие там мысли бродили у него в голове, отгораживая

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru